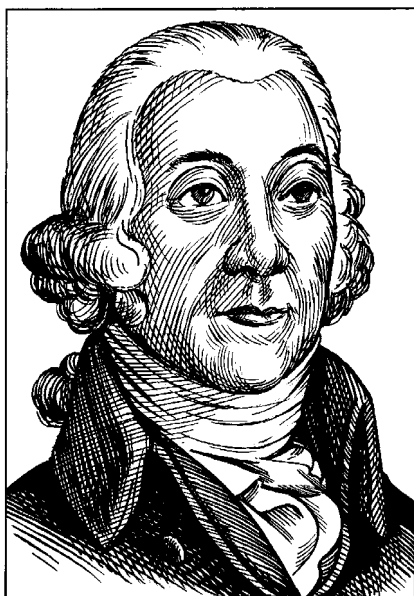

Роже ПОРТАЛЬ

ПАЛЛАС НА УРАЛЕ (май-август 1770 г.)¹

Отчет Палласа о своей поездке в июне 1768 г. – июле 1774 г. в юго-восточные губернии России, на Урал и в Сибирь – классический документ о состоянии Российской империи во второй половине XVIII в.

Петр Симон Паллас

В нашу задачу не входит рассказ о самом Палласе и его путешествии – одном из многих, которые в XVIII в. предпринимались по всему миру и особенно в неизведанные области Российской империи. Цель его поездки была четко сформулирована в инструкции, которую Паллас получил перед отъездом: ученый и его сотрудники должны были представить точные сведения «до естества земель и вод, которые на пути найдут; до избрания, по которому каждая необработанная земля или ненаселенное место уповательно с пользою назначено быть может..; до экономий населенных мест..; до описания особых болезней, в той стране необыкновенно случающихся, также до скотских

падежей, ежели где бывают. О сих болезнях и падежах примечать, какие в тамошних местах против оных употребляют средства или какие бы, по их мнению, можно было употреблять с успехом..; до размножения и поправления скотских заводов, а особливо для шерсти; также до разведения пчел и делания шелку в способных к тому местах..; до изобретения полезных родов земель, солей, каменных угольев, торфа или тундры и рудных признаков..; ...путешествующие примерно примечать будут все, что может служить к объяснению общей и поправлению частной географии, также погоды, тепло и стужу, а особливо в таких местах, где пробудут несколько времени, описывать нравы, светские и духовные обряды, древние повести народов, обитающих в той стране, которую проезжать будут, причем примечать встречающиеся древности, осматривая развалины и остатки древних мест».

Перечень задач экспедиции довольно обширен, и все-таки в нем отсутствуют, как мы увидим ниже, некоторые важнейшие моменты –

мышление людей XVIII в. еще не было готово к их восприятию. Путешественники должны были описать край с целью его будущего освоения. Почва и полезные ископаемые, растительный и животный мир Урала рассматриваются в упомянутой выше инструкции как источники сырья, как основа для аграрного и промышленного развития региона. Интерес к «натуральной истории» вызван больше стремлением выявить ее запасы и наметить пути практического использования, чем простой тягой к познанию. Об этом свидетельствуют предписания определить географические координаты важнейших объектов путем астрономических наблюдений или «описывать нравы, светские и духовные обряды». На деле наблюдения за обычаями, нравами и религией не выходили за рамки фиксации экзотических явлений. Так, например, Паллас подробно описывает жизнь башкир, но крайне скупо пишет о русском населении края. Отчет Палласа не только имел практическое значение, но и пробуждал у читателей интерес к тем землям, по которым двигалась экспедиция, однако на его страницах отсутствуют этнографические описания и показ классовых отношений.

Несмотря на эти недостатки, записи Палласа являются ценнейшим источником самых разнообразных сведений. Путешествие ученого продолжалось шесть лет, но особый интерес для науки представляет его пребывание на Урале в мае-августе 1770 г. В полном соответствии с данными ему инструкциями Паллас провел на Урале всеобъемлющие исследования. В его наблюдениях нет какого-либо единства. В отчете Палласа Урал предстал во всем его многообразии: в мозаике физического строения (средней величины горы, глубокие долины, равнины на востоке и юге, железные и медные руды, месторождения золота, разработка которых как раз только началась), этнической пестроте (башкиры на юге, вогулы на севере, между ними – анклав русского населения), многоукладности хозяйства (металлургическая промышленность как в лесах севера и в степях юга, земледелие наряду с пчеловодством и животноводством).

Проведя зиму 1769-1770 гг. в Уфе, Паллас 20 мая 1770 г. приехал в индустриальную зону Урала, начав ее обследование с Симского завода. Затем он повернул на север, где посетил, тщательно фиксируя все увиденное, свыше тридцати промышленных предприятий; занимавшие почти всю восточную сторону Урала, они растянулись на 600 км – от степей на юге (55° северной широты) до лесной глуши на севере (60° северной широты). После посещения 13 июля самого северного на Урале Петропавловского завода Паллас снова возвращается на юг и 2 августа прибывает на Каменский завод в районе Екатеринбурга. Это был конечный пункт его ознакомительной поездки по металлургическим предприятиям края. Проведя несколько недель в Челябинске, Паллас 16 декабря выехал в Тобольск,

который должен был стать отправной точкой его последующей поездки; на этот раз путь ученого лежал в Сибирь.

В течение двух с половиной месяцев, что Паллас провел на Урале, он постоянно находился в пути. Ехать иногда приходилось даже ночами, постоянно испытывая нужду в транспорте, по плохим и грязным дорогам, пересекая по самодельным мостам или просто вброд попадавшие навстречу реки. Летние грозы также затрудняли поездку. Несмотря на соответствующие распоряжения, на постоялых дворах нередко не были готовы лошади для путешественников. Из-за ограниченности времени Паллас был вынужден совершать из одного крупного завода кратковременные выезды на окрестные предприятия. Чрезвычайно насыщенная программа поездки изнуряла силы путешественников, и Паллас делал небольшие передышки, прежде чем отправляться дальше.

Приходится только удивляться содержательности и достоверности материала, собранного Палласом за 10 недель путешествия по необъятной территории. Французский перевод отчета Палласа о его путешествии 20 мая – 2 августа 1770 г. составляет 360 страниц большого формата и излагает результаты всех проведенных им здесь исследований. Из этих 360 страниц² около 80 занимают описания примерно 30 осмотренных путешественником горных заводов, причем сведения о медных и железных рудниках, являющиеся предметом отдельного и подробного рассказа, туда не включены.

Паллас малоинтересен для историка. Он пишет о рудниках с точки зрения естествоиспытателя и техника. Например, рассказывая о горе Магнитной, поставлявшей сырье для Невьянского, Тагильских и Ревдинского заводов, Паллас подробно описывает природу и расположение геологических месторождений, способы добычи руды и крайне мало внимания уделяет работающим на них людям. Однако при описании приемов добычи руды он вынужден упомянуть и о рабочей силе: Паллас пишет, что из-за легкости добычи для этого почти исключительно используются дети, причем обоего пола; как бы между прочим мы узнаем, что на рудниках работают 300-400 детей, получающих по 3 копейки в день. Эти сведения – редкое исключение для Палласа, поскольку обычно он их опускает (С.255). Так, говоря о знаменитом уральском руднике Благодать, снабжающем рудой три соседних завода, он не упоминает о занятой на нем людях. Этого принципа Паллас придерживается и при описании других рудников – принадлежащего Твердышеву Карельска (с Симским и Катав-Ивановском заводами), заброшенных рудников Ивановска, меднорудных разработок Кукушевска (в истоке Миасса), рудников Косойброда (на Чусовой), Гумёшевска (вблизи Полевского завода). Хотя указанные рудники уже почти не разрабатывались, он посвятил им немало страниц своего отчета,

поскольку на них добывались ценные минералы, в частности медная руда. В подробном описании находящихся близ Екатеринбурга Пышминского и Березовского золотоносных рудников Паллас не ограничивается лишь техническими сведениями – мы узнаем, что на работах там заняты 500 горняков и несколько тысяч крестьян. Крестьяне, в зависимости от возраста и выполненной работы, получают по 3-6 копеек в день, но они трудятся только зимой и поэтому летом рабочих не хватает (С.221). После горы Магнитной и Благодати Паллас посетил медные рудники Барминска, Рудалевска и Половинного, находящиеся вблизи Благодати, рудники Василевска, Ольговска и ряд других, расположенных в верхнем течении Сосьвы, а также железные рудники Лолонга рядом с Петропавловским заводом.

Судя по описаниям Палласа создается впечатление, что некоторые рудники были заброшены или использовались частично, а разработки велись лишь на самых богатых и самых доступных месторождениях. По видимому, к добыче руды тогда подходили как к сбору урожая и если затраты по ее добыче заметно увеличивались, рудник закрывали.

Более содержательные и полезные для себя сведения историк может найти в описаниях металлургических заводов. Паллас добросовестно фиксировал их размеры и расположение, указывал количество мастерских, доменных печей, число занятых на производстве людей. Благодаря Палласу мы имеем точное представление о сооружениях, которые к его приезду все еще оставались почти такими же, как во времена Татищева и Геннина. Речь идет о плотине, запруде, нескольких (если речь шла о медеплавильном заводе) или 1-2 (если перерабатывалось железо) печах, специализированных (например, предназначенных для изготовления якорей) мастерских, штамповочном молоте, наконец, поселке горняков и рабочих металлургического завода, церкви, доме заводовладельца и заводууправления.

На Южном Урале, заселенном воинственными башкирами, запруда и река служили отчасти и защитой предприятия, обыкновенно окруженного палисадом и сторожевыми башнями. Паллас отмечает, что Симский завод был защищен укреплением в форме прямоугольника длиной 300 и шириной 150 сажень (в метрической системе это составляет 600×300 м), что должно было защитить его в случае нападения башкир. В Симском заводе находилось 160 дворов рабочих (С.34). Значение таких укрепленных поселков для региона очевидно – известно, что металлургия стала причиной образования городов на Урале. Еще крупнее был промышленный поселок Катав-Ивановского завода. Этот завод, принадлежащий Твердышеву, имел не только мастерские, но и четыре кузницы, в которых стояли пятнадцать молотов. В заводском поселке имелось 470 домов, а все его сооружения были защищены прудом и оплотом с батареями и испанскими рейтарами

(С.42-43). Надо упомянуть еще один завод, где перерабатывались железо и медь и который посетил Паллас, – Саткинский, находящийся на юге Урала. В нем было две доменных печи, пятнадцать штамповочных молотов и мастерские по производству якорей. Его заводской поселок составлял 500-600 домов с более чем 2000 жителей (С.85).

О Екатеринбурге Паллас рассказывать не стал, так как он был ранее уже описан И.Г.Гмелиным³.

Заводские поселки, расположившиеся вдоль всего восточного склона Урала на маленьких речушках бассейна Оби, описаны Палласом очень тщательно. Это и ежегодно дающий 200000 пудов (3200 т) полосового железа Невьянск, с его покрытыми лесом окрестностями, 7 башнями, 1200 домами, 4000 душ мужского пола (почти все они – староверы), 18 заводскими зданиями (С.226-231); и Нижне-Тагильский завод с 1034 домами, 2579 рабочими (по большей части, раскольниками) (С.250-253); и относящийся к нему Салдинский завод (с 532 домами, 970 жителями, 12 штамповочными молотами) (С.345-346). Далее на север расположен Нижне-Туринский завод, в котором 184 домны, 500 рабочих-металлургов и 5000 крестьян, занятых на вспомогательных работах (рубка и возка дров, углежжение) (С.275-276).

Но чем же занимаются жители заводских поселков, когда не заняты на основной работе? Какова повседневная жизнь деревень, служащих заводам источником подсобной рабочей силы? О земледелии жителей Урала Паллас почти не упоминает – оно его не интересует. Да и сам он признается, что главной задачей его путешествия было изучение месторождений железа в районе Екатеринбурга. Тем не менее он все же сообщает, что в Ералы (недалеко от Симского завода) крестьяне имеют два занятия: выполняют подсобные работы на заводе и на очень плодородном черноземе возделывают лен и коноплю (С.39). Упомянув Кушвинский завод (около Благодати), Паллас замечает, что это первое заводское поселение (оно было основано в 1735 г.), где люди занимаются земледелием (С.268). Наконец, мы узнаем, что на севере, вдоль Ляли, крестьяне используют в качестве удобрения навоз, отказавшись от той формы земледелия, которую экономист Паллас характеризует как основанную на «вырубке и очищении новых мест» (С.286).

Эти отдельные замечания крайне недостаточны для исследователя хозяйственных занятий уральского населения. В регионе явно преобладала индустрия, но земледелие и скотоводство так же имели определенное значение. Вызванное заселением Урала в конце XVIII в. постепенное преобразование этого региона, прежде всего путем внедрения земледелия, не получило освещения у Палласа.

В этом ярко проявилась ограниченность его отчета, но это не должно быть причиной упреков нашему путешественнику – нельзя требовать от него

невозможного. Прелесть запискам Палласа придает прежде всего описание транспортного сообщения на Урале.

Приложением к отчету Палласа служат рисунки и карты, среди которых следует особо упомянуть «Карту Уральского горнозаводского округа от истока Белой до Сосьвы». Она позволяет проследить маршрут путешествия Палласа. Полезные ископаемые обозначены на ней специальными значками, которые отнюдь не перегружают документ, на карте легко узнаются населенные пункты и водные пути. Информация Палласа в отношении перевозки руды и готовой продукции по уральским рекам исключительно точна.

Уральские дороги были просто ужасны и часто преграждались реками, поэтому сухопутные коммуникации использовались здесь мало, только в самых крайних случаях. На пути к Симскому заводу Паллас насчитал около 60 мостов, многие из которых были повреждены и требовали ремонта. Особенно плохой была дорога в районе Катав-Ивановского завода. Она была настолько разбита, что Паллас был вынужден отказаться от осмотра железных рудников, снабжавших сырьем Саткинский завод. Переправа через реку Ай оказалась невозможна, пришлось идти в обход, а чуть дальше размытая дорога на Сысертский завод сильно замедлила продвижение путешественников (С.30-31, 89, 107, 175). Напротив, окрестности Екатеринбурга приятно удивили Палласа хорошим состоянием проезжих путей.

Сухой путь был непригоден для перевозки тяжелых грузов. Паллас совершенно правильным считает использование рек для осуществления связей рудников с металлургическими заводами, заводов между собой и особенно промышленных областей Урала с центральными районами России, куда вывозились полосовое железо и другая продукция уральской металлургии. Ежегодно на Урале собиралась целая флотилия из судов, которые в половодье отправлялись по рекам бассейна Волги в Нижний Новгород, Петербург и Москву. На юге Урала суда, груженые железом, концентрировались на реке Белой, а на севере – на реке Чусовой. Эти реки посредством Камы связывали Урал с расположенной западнее его Россией.

Каждый металлургический завод искал наиболее удобный путь к месту погрузки своей продукции. Неодинаковый уровень воды в реках вынуждал использовать суда различной грузоподъемности, поэтому металл вынуждены были много раз перегружать с одной барки на другую. Иногда, чтобы достичь по суше судоходной реки, приходилось максимально сокращать этот путь. Сим, к примеру, несудоходен, поэтому железо Симского завода не сразу шло на запад, а первоначально отправлялось на восток (причем это надо было делать зимой, на санях) до Юрюзани, а там укладывалось в штабеля. Когда наступала весна, его перевозили на плоскодонных судах-коломенках

дальше. Коломенки строились на берегах Юрюзани и загружались не полностью; несмотря на это, уровень воды в реке приходилось повышать путем открытия шлюзов на заводских дамбах. По мере приближения к реке Белой Юрюзань становилась полноводнее и груз коломенок постепенно увеличивали (С.34, 47, 87). Вдоль рек Ай и Юрюзань, а также в верхнем течении реки Уфы, где загружали железо Кыштымского и Каслинского заводов, были расположены верфи.

О концентрации готовой железной продукции на реке Чусовой, которая в этом плане более важна, чем Белая, Паллас не упоминает. Он только замечает, что железо, производимое на Нижне-Тагильском металлургическом заводе, перевозилось весной по притокам Чусовой на запад, откуда потом доставлялось на Каму и Волгу (С.259-260, 263). Часть железных отливок оставалась на камских заводах и перерабатывалась внутри региона. Но поскольку, как мы знаем, Паллас не посещал пермские и кунгурские заводы, он не упомянул о промышленном производстве на западных склонах Урала к северу от Красноуфимска. Ограничившись изображением отдельных деталей, он не дал точное и полное описание водных коммуникаций. Однако его фрагментарные наблюдения имеют ценность первоисточника. То, что Паллас говорит о транспортных путях, о системе коммуникаций на Южном Урале, благодаря строгой точности изображения может быть перенесено и на весь уральский регион.

Научность описания придает отчету Палласа вневременной характер, свободный от мелочей и исторической конкретики.

Паллас посетил Урал вскоре после социальных волнений 1761-1769 гг. Спустя четыре года началось пугачевское восстание, в котором значительную роль сыграли проживающие в этом регионе башкиры. Но у Палласа нет и намек на беспокойную обстановку и нужду среди рабочих⁴. Если он и упоминает об образе жизни работных людей (что правда случается крайне редко), то получается, что у них все обстоит прекрасно. О рабочих Симского завода – а это были, в основном, крепостные – Паллас пишет, что они «получают несколько платы, которою они всю свою семью кажется изобильно довольствуют и живут не убого» (С.34). О работных людях Косотурского завода (в Златоусте) Паллас пишет, что «оне довольно кажутся быть веселы» (С.117), а крепостной рабочий люд Нижне-Тагильского завода, по его словам, «отменно прилежен и зажиточен» (С.253).

В описании старейшего на Урале Невьянского завода напрасно искать намеки на пользующуюся дурной славой башню-тюрьму, которую рабочие настолько ненавидели, что память о ней надолго сохранилась в народных песнях. В то же время Паллас отмечает тяжелое положение рабочих на Василевских рудниках и на Петропавловском заводе, – в верховьях Сосьвы, в самом северном районе, где холод, сырость, нехватка свежих овощей и

мяса вызывали цингу, что приводило к большим потерям среди населения. Однако смертность и нищету здесь Паллас объясняет естественными (климат, плохое снабжение продуктами), а не социальными причинами. Паллас придерживается официальной точки зрения на эту проблему и если и поднимается до критики, то только в технических вопросах. У него нет даже намека на социальное недовольство, создавшее почву для беспорядков шестидесятых годов и пугачевского восстания в 1774 г.

Отсюда, однако, нельзя делать вывод, что Паллас был совершенно равнодушен к социальному положению людей, безвыходность которого не могла от него ускользнуть. Несмотря на крайнюю осторожность в освещении этих вопросов, у него имеется, причем довольно выразительное, описание расположенного далеко на севере Петропавловского завода: «Для рубки и возки дров, жжения угля и подобных сему работ употребляют из лежащей близ завода по ту сторону хребта к Соликамску причисленной Чердынской округи крестьян, коих считают четыре тысячи; отданы они к сему заводу работать за подушной оклад, но насколько долго, того не определено. Бедные сих мест жители принуждены болотистую гору переходить на работу пеши с великою тягостию, и не могут довольно изъяснить и жалостного своего состояния и удручения от нестерпимого ига. Всего хуже, что известное оных число или умирает от скорбугу или зараженное оным бедностью возвращается в дома» (С.313).

Здесь чувствуется, хотя и весьма слабо, намек на истинное положение приписанных к металлургическим заводам крестьян и тех, кто вынужден был приходить на подсобные работы издалека. В ходе волнений шестидесятых годов эти люди стали представлять проблему для властей. Несмотря на то, что в 1769 г. их положение было несколько улучшено, вопрос о сохранении практики приписки крестьян, по словам Палласа, стоял очень остро. Но наш путешественник лишь обозначил эту проблему, столь сильно волновавшую тогда общественное мнение.

Описывая горные заводы, Паллас много говорит о необходимости защиты их от башкир, но он не пишет о степени этой опасности. Им упоминается и угроза с юга со стороны казахов (С.136). Здесь, конечно, следует напомнить, что он посещал преимущественно такие металлургические заводы, которые позднее не принимали участия в пугачевском восстании. Восставшие башкиры вряд ли далеко уходили от мест своего постоянного проживания. Только самая южная группа осмотренных Палласом заводов (речь идет о предприятиях, где он побывал, ибо имелись заводы и южнее) – Симский, Катав-Ивановский, Юрюзанский, Саткинский, Златоустовский (к ним можно еще добавить расположенный неподалеку от Екатеринбурга Сысертский) – были втянуты в это восстание. Все остальные промышленные предприятия Среднего и Южного Урала на

восточных предгорьях в движении Пугачева не участвовали. Несмотря на то, что из описаний Палласа можно получить неплохое представление об уральской индустрии, показа исторических связей, определяющих ее особенности, у него нет. Наблюдения Палласа затрагивают примерно лишь 30 заводов из 100, имевшихся на Урале. Грандиозные волнения, вспыхнувшие вскоре после его отъезда, охватили большинство заводов, но главным образом те, где Паллас не был.

Я попытался вкратце показать историческую ценность наблюдений Палласа, и в то же время их ограниченность, что проявилось преимущественно в описаниях социального характера: когда Паллас подробно рассказывает о жизни башкир (С.97-99), он тем самым пытается удовлетворить обычный для того времени интерес к экзотике и при этом ничего не говорит о сущности отношений между русскими и башкирами. Вообще, русских Паллас вспоминает на страницах своего отчета лишь в связи с их промышленной деятельностью. Он описывает только рабочую среду и игнорирует заводовладельцев: хозяева предприятий хотя и имели в заводском поселке собственный дом, но там обычно не жили, изредка туда наведываясь. Да и разговаривал наш знаменитый путешественник лишь с управляющими и так и не снизошел до бесед с простыми рабочими.

И все же Палласа больше интересуют не люди, а вещи. В Сысертском заводе его задержало «желание обозреть все достопамятности естества и искусства» (С.176). «Естество» – это ландшафт и полезные ископаемые, «искусство» – это человеческая деятельность, которая изменяет «естество». В этом смысле Паллас – типичный человек XVIII столетия. Более того – он естествоиспытатель, от которого, как следует из его высказываний, нельзя ждать ничего, кроме точного исследования своего предмета. Поэтому его описание, за редкими исключениями, представляет собой аккуратный и в то же время сухой анализ. Паллас строго соблюдал рамки данных ему инструкций, исключавших проявление человеческих чувств, и не касался социальных проблем.

Здесь нужно заметить, что другие участники его экспедиции, такие как Иван Лепехин и Николай Рычков, которые были русскими и лучше знали внутренние проблемы своей страны, несколько иначе понимали инструкцию, данную Палласу. Они приводят сведения, отсутствующие у нашего путешественника или представленные у него неполно; прежде всего, речь идет о судьбе крепостных крестьян. Для Палласа как иностранца, имевшего цель исследовать минеральные богатства Урала, описание его жителей было не нужно.

Я ограничился здесь анализом пребывания Палласа на Урале, уделив внимание лишь небольшому фрагменту из его продолжительного путешествия, завершившегося у границ Китая. Но и при описании других

мест он следовал тем же принципам. Его отчет – это не только вклад немецкой науки в изучение России. Это документ, характеризующий русско-немецкие отношения во второй половине XVIII в. и типичный именно для этой эпохи. Отчет Палласа в целом был интересен для образованного человека в любой стране, его читали в оригинале (по-немецки), а особенно – в сделанном позже переводе на французский язык. В наши дни сочинение Палласа уже не может удовлетворить потребности историка. Если говорить об Урале, то следует указать на современные научные работы (см., например, добротное исследование Б.Б.Кафенгауза о хозяйстве Демидовых), базирующиеся на богатом архивном материале. Они уточняют картину, нарисованную Палласом, и дают полное представление об истории этого региона. Сегодня Паллас ценен лишь своими второстепенными деталями. К нему все еще обращаются те, кто не знает русского языка, но хочет получить представление о России XVIII в. И в этом отношении произведение Палласа сохраняет свою значимость для образованных западных читателей.

¹ Portal R. Pallas im Ural (1770) // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Berlin, 1962. Bd. XII. S.276-286. Перевод с немецкого Н.Н.Реуцкой.

² В русском издании: Паллас П.С. Указ. соч. СПб., 1768. Ч.II. Кн. I. С.32-362. Далее все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

³ См.: Gmelin J.G. Reise durch Sibirien in der Jahren 1733-1743. Göttingen, 1752. Bd. 4. S.387-394. Ср.: Паллас П.С. Указ. соч. С.206 и след.

⁴ Единственное исключение составляет упоминание об уничтожении водоотливного колеса на Березовских рудниках: «прошлой весны сие колесо чаятельно оплошностию развратных работников совсем сторело» (Паллас П.С. Указ. соч. С.211).